

Н. А. Берсенева¹, Е. В. Куприянова², А. Г. Берсенева³

¹ *Институт истории и археологии УрО РАН
ул. С. Ковалевской, 16, Екатеринбург, 620990, Россия*

² *Челябинский государственный университет
ул. Бр. Кашириных, 129, Челябинск, 454000, Россия*

³ *ЭКЦ ГУ МВД РФ по Челябинской области
ул. Елькина, 34, Челябинск, 454091, Россия*

bersnatasha@mail.ru

СЛЕДЫ ДЕТСТВА: ПОИСК ДЕТЕЙ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ИСТОЧНИКЕ И ИЗУЧЕНИЕ КЕРАМИЧЕСКИХ АРТЕФАКТОВ (ЭПОХА БРОНЗЫ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ)*

Работа посвящена идентификации и интерпретации отпечатков детских ногтей на керамических артефактах с помощью трасологии. Трасологический метод исследования является одним из наиболее действенных в вопросах выявления артефактов, связанных с деятельностью детей. Отпечатки пальцев на древней керамике свидетельствуют о непосредственном контакте изготовителя с материалом, т. е. о его прямом участии в процессе создания предмета. С целью выявления отпечатков детских пальцев или ногтей были обработаны керамические коллекции нескольких памятников – поселений Каменный Амбар и Стрелецкое-1, могильников Каменный Амбар-5 и Степное-7. Исследование демонстрирует, что следы деятельности детей можно найти в археологическом источнике и с большей вероятностью на поселениях, нежели в могильниках. В результате мы можем заключить, что дети приобщались к керамическому производству с самого раннего возраста. Это дает возможность реконструировать процесс трудовой социализации. Обнаружение в детских погребениях сосудов, сделанных малолетними гончарами, позволяет предположить также раннее вовлечение их в ритуальную деятельность.

Ключевые слова: Южное Зауралье, бронзовый век, археология детства, керамические артефакты, отпечатки ногтей.

По мнению палеодемографов, дети до 15 лет представляли собой самую значительную в количественном отношении возрастную группу в древних и традиционных обществах (как минимум 50 % популяции, что было необходимо хотя бы для простого воспроизводства населения) [Chamberlain, 1997]. Из этнографических и исторических источников мы знаем, кроме того, что вклад детей в экономическую деятельность

обществ был достаточно велик. Ими выполнялся большой объем несложной технической, но трудоемкой и затратной по времени работы, такой как заботы по дому, уход за младшими детьми, помощь взрослым, как правило, в соответствии с гендерным разделением труда [Kamp, 2001]. Следует напомнить, что древние общества были достаточно молодыми в демографическом отношении и распределение хозяйственных, ритуальных,

* Исследование выполнено в рамках интеграционного проекта УрО и СО РАН «Культура, социум и человек в эпоху палеометалла (Зауралье и Западная Сибирь)».

Берсенева Н. А., Куприянова Е. В., Берсенева А. Г. Следы детства: поиск детей в археологическом источнике и изучение керамических артефактов (эпоха бронзы Южного Зауралья) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 3: Археология и этнография. С. 88–100.

социальных и прочих нагрузок было иным, чем в наши дни [Roder, 2008. P. 70–71]. Тем не менее невозможно отрицать тот факт, что количество детских захоронений в некрополях часто не соответствует высокому уровню детской смертности в те времена. На поселениях следы присутствия детей заметны в еще меньшей степени.

В могильниках эпохи бронзы Южного Зауралья детские погребения фиксируются массово. По количеству сопроводительного инвентаря синташтинские памятники заметно отличаются от срубно-алакульских. В последних инвентарь детских захоронений сводится к посуде и реже украшениям. Но погребения формировались взрослыми для их умерших детей, следовательно, мы видим ребенка в них скорее как объект манипуляций, нежели активного члена сообщества. Тем не менее погребальный инвентарь, вероятно, может содержать информацию о жизни ребенка, а не только о его смерти [Берсенева, 2010].

Следы присутствия детей на поселениях не столь очевидны. Однако, как будет показано ниже, внимательное изучение коллекции артефактов с целью выявления связанных с детьми предметов, может дать вполне «видимые» результаты. Археологически мы можем увидеть две основные группы артефактов, имеющих непосредственное отношение к детям: это предметы, изготовленные самими детьми в процессе обучения или игры, и предметы, изготовленные взрослыми для детей: игрушки, предметы одежды, украшения и амулеты, посуда.

Обычно изготовленными детьми считаются миниатюрные или непрофессионально, некачественно выполненные изделия [Kamp et al., 1999; Vaxter, 2005; Kralik et al., 2008]. Очевидно, эти критерии основаны целиком на предположении, что, во-первых, маленькими руками изготавливались маленькие предметы и, во-вторых, дети еще не достигли уровня мастерства, требуемого для производства пригодных для использования вещей. Такой подход представляется легко уязвимым, тем не менее, он имеет свою логику и часто является единственным, на который может опереться археология ранних периодов. Детские игрушки, сделанные взрослыми для обучения или игры детей, идентифицировать еще труднее, так как критерии почти всегда интуитивны. На основании одной лишь миниатюрности пред-

мет не может быть признан игрушкой. Наиболее доказуемой является интерпретация предметов, имеющих аналоги в более поздних обществах (например, астрагалы).

Трасологический метод исследования может, по нашему мнению, помочь выявить предметы, действительно связанные с детьми, и сделать наши выводы более доказательными. Отпечатки пальцев на древней керамике свидетельствуют о непосредственном контакте изготовителя с материалом, т. е. о его прямом участии в процессе создания предмета.

Идея о возможности привлечения методов криминалистики для изучения древних дерматоглифов (палеодерматоглифов) не является совершенно новой. Во второй половине XX в. археологи осознали, что отпечатки пальцев представляют собой богатую основу для изучения многих аспектов жизни древних обществ, включая особенности технологий и специализации производств, гендерное разделение труда, социализацию детей. Например, отпечатки на глиняных табличках из Кносса и Месопотамии позволяют судить об образовании, ведении хозяйства и законах, принятых в обществе [Astrom, 2007]. Однако из-за трудоемкости исследования, необходимости привлечения квалифицированных специалистов и фрагментарности самого источника работы по изучению древних отпечатков пальцев остаются сравнительно немногочисленными.

Подробный анализ отечественной историографии по этой теме был недавно проведен И. А. Гей [2010]. Результаты показали, что за исключением серии исследований, выполненных под руководством А. А. Бобринского в ИА РАН [2008], работы в этом направлении эпизодичны [Сыроватко, Елистратов, 2002; Куприянова, 2003; Епимахов и др., 2012]. Несмотря на ряд упомянутых выше трудностей, связанных с изучением отпечатков, причина, представляется, лежит, прежде всего, в недостатке интереса со стороны российской археологии к данному источнику и недооценке его возможностей.

Объем и цели данной статьи не позволяют привести полноценный обзор зарубежной литературы, но собранные авторами примеры свидетельствуют, что в странах Европы и Америки в последние годы интерес к подобным исследованиям возрастает, судя по появлению журнала с соответствующим названием – «Journal of Ancient

Fingerprints» (см.: [Kamp et al., 1999; Bagwell, 2002; Kralik, Novotny, 2003; Kralik et al., 2008] и др.).

Общим моментом в подходах отечественной и западной археологии является обращение к методам криминалистики (дактилоскопии). Однако если главная задача дактилоскопической экспертизы – установление соответствия определенных отпечатков пальцев определенному индивиду (его идентификация), то археология в силу своих научных задач интересуется, как правило, полом, возрастом, иногда расовой принадлежностью оставившего их человека. И здесь мы сталкиваемся с проблемами, не связанными с криминалистикой как таковой. Для понимания возможностей метода в интересах археологии необходимо коротко остановиться на них.

Базы данных, собранные в течение последнего столетия, основаны на современных статистических сведениях (количество папиллярных линий в следах пальцев рук на единицу длины), соответствующих характеристикам населения XX–XXI вв. [Ивашков, 1992. Табл. 6]. Древние обитатели изучаемых территорий могли принадлежать к иной расе, иметь меньшие размеры тела. Таким образом, всегда необходима поправка на расовую принадлежность и ростовые показатели изучаемой древней популяции.

Вариабельность между размерными показателями папиллярных линий мужчин и женщин внутри одной этнической группы статистически гораздо меньше, чем между представителями различных групп. Часто она крайне незначительна и не может считаться достоверной [Kamp et al., 1999. P. 310]. В результате, возможность определения пола индивида по палеодерматоглифам представляется некоторым археологам и криминалистам сомнительной (см.: [Сыроватко, Елистратов, 2002; Моган, 2007. P. 17] и др.).

Археология вынуждена иметь дело с неполной информацией: фрагментированными следами, отпечатками ногтей, кончиков пальцев. Как правило, они единичны: отпечатки одного какого-то пальца из десяти, имеющихся у человека, существенно снижают перспективы интерпретации источника. Однако большой плюс для археологии заключается в том, что самая большая вариабельность в размере отпечатков связана с возрастом. Исследования показывают, что,

несмотря на колебания, обусловленные расовой принадлежностью, отпечатки пальцев и ногтей детей до 12 лет всегда достоверно отличаются от отпечатков взрослых по ширине папиллярных линий, их плотности, а также длине и толщине ногтевой пластины (см.: [Kamp, 1999. P. 310; Ивашков, 1992. С. 40; Папиллярные узоры..., 2002. С. 21–24; Kralik, Novotny, 2003. P. 9; Бобринский, 2008] и др.). У индивидов, начиная примерно с возраста 15 лет, эти показатели, в целом, соответствуют взрослым. Кроме того, экспериментальные работы демонстрируют, что «линейная усадка» керамики, связанная с обжигом или другими видами деформации (в среднем 7–10 %), не является настолько значительной, чтобы уменьшить отпечаток взрослого человека до размеров детского [Kamp, 1999. P. 313; Сыроватко, Елистратов, 2002; Kralik, Novotny, 2003. P. 12]. Таким образом, наше исследование основано на убеждении, что палеодерматоглифы, оставленные детьми в возрасте до 12 лет, могут быть идентифицированы с большой долей уверенности.

С целью выявления отпечатков детских пальцев или ногтей были обработаны керамические коллекции нескольких памятников: поселений Каменный Амбар и Стрелецкое-1, могильников Каменный Амбар-5 и Степное-7. Изучались в первую очередь миниатюрные керамические артефакты и не слишком качественно изготовленная посуда небольшого объема. К сожалению, отпечатков подушечек детских пальцев не было найдено. Мы располагаем только коллекцией отпечатков ногтей. Знакомство с упомянутой выше специальной литературой и личный опыт позволили установить верхний параметр толщины ногтевой пластины ребенка в 0,5 мм (толщина ногтя взрослого человека обычно составляет около 0,7 мм), а ширины – в 7 мм (ширина ногтя взрослого – 8–10 мм и более). Мы не имели возможности достоверно определить точный возраст детей ввиду отсутствия полных отпечатков, поэтому наше исследование основано на принятии тезиса о том, что толщина ногтевой пластины 0,5 мм (и менее) и ширина ногтевой пластины 7 мм (и менее), могли принадлежать детям возрастом 12 лет и менее. Что касается ростовых и иных биометрических показателей населения эпохи бронзы исследуемых культур – синташтинской, петровской, алакульской, то, по свиде-

тельству антропологов, древняя популяция существенно не отличалась от современных жителей Южного Урала. В частности, средний рост жителей Аркаима составлял для мужчин 171,5 см, а для женщин – 163,3 см [Lindstrom, 2002]. Таким образом, статистические данные современной дерматоглифики вполне могут использоваться и для изучения упомянутых выше древних обществ.

Комплекс археологических памятников Каменный Амбар располагается в Карталинском районе Челябинской области на противоположных берегах р. Карагайлы-Аят. Курганы могильника Каменный Амбар-5 уверенно соотносятся с синташтинской традицией и датируются в системе калиброванной радиоуглеродной хронологии 1960–1770 (2020–1750) гг. до н. э. На поселении в разной степени представлены едва ли не все основные культурные типы бронзового века Южного Зауралья: синташтинского, петровского, срубно-алакульского, финала бронзового века. Хронология ранней фазы обитания в целом совпадает с рамками существования некрополя [Епимахов, 2005; Корякова и др., 2011].

Многослойный памятник поселение Стрелецкое-1 расположен в Троицком районе Челябинской области, на левом берегу р. Уй. Спасательными раскопками в 2012 г. было исследовано 400 кв. м культурного слоя зольника, расположенного между рядом жилищных впадин и обрывом берега реки. Зольник представлял собой, по всей вероятности, свалку бытовых и производственных отходов. По керамическому материалу самые ранние слои зольника датируются синташтинско-петровским периодом, основная же масса материала относится к алакульской культуре. В верхних слоях поселения присутствует керамика саргаринско-алексеевской культуры эпохи финальной бронзы.

Могильник Степное-7 находится в Пластовском районе Челябинской области, на левом берегу р. Уй. Многолетними раскопками исследовано семь погребальных комплексов, содержащих материалы петровской и алакульской культур эпохи поздней бронзы. Полученная обширная коллекция артефактов включает различные виды инвентаря – керамику, орудия труда, оружие, украшения. В непосредственной близости к могильнику (1,5 км к СЗ) расположен комплекс памятников – укрепленное поселение

и могильник Степное. Материалы могильника (синташтинская, петровская и алакульская культуры) также косвенно привлекались для сравнения.

В могильнике Каменный Амбар-5 (курган 2, могильная яма 10) было обнаружено захоронение трех детей [Епимахов, 2005. С. 41–46]. У головы одного из них была поставлена небольшая баночка с закрытым устьем [Епимахов и др., 2012. Цв. вклейка, № 5, 6]. Практически по всей окружности венчика снаружи и внутри следуют повторяющиеся защипы (рис. 1). Форма и размеры с большой долей уверенности позволяют интерпретировать их как отгиски дистального конца ногтевой пластины пальца руки ребенка (толщина ногтевой пластины около 0,3, ширина 6 мм). Предположительный возраст: около 8 лет. Изделие не использовалось, вероятно, между его изготовлением и помещением в могилу прошло не слишком много времени.

На поселении Каменный Амбар обнаружено три артефакта, которые можно прямо связать с деятельностью детей. Все происходят из заполнения постройки 5 синташтинской культуры, из ее северной части.

Один из них – обломок стенки очень тонкостенного слабопрофилированного сосудика на небольшом поддоне, высотой 4 см. Внешняя поверхность хорошо заглажена. Зигзагообразный орнамент по венчику и параллельные желобки на плечике и в придонной части нанесены с помощью ногтей (рис. 2). Вдоль края венчика хорошо видны пересекающиеся дугообразные вдавления глубиной 0,5–0,9 и шириной 5–6 мм. Углубления выполнены ногтевой пластиной одного и того же пальца руки. Толщина

Рис. 1. Миниатюрная баночка (погребение 10 из кургана 2 могильника Каменный Амбар-5)

Рис. 2. Фрагмент миниатюрного сосуда (постройка 5 поселения Каменный Амбар)

Рис. 3. Фрагмент миниатюрной баночки (постройка 5 поселения Каменный Амбар)

Рис. 4. Лепная тарелочка (постройка 5 поселения Каменный Амбар)

(0,3 мм), форма и размеры с большой долей уверенности позволяют интерпретировать эти углубления, как оттиски дистального конца рогового слоя ногтевой пластины пальца руки ребенка (возраст 6–8 лет). Изделие не использовалось.

Второй представляет собой обломок грубо сделанной баночки, высотой 2,7 см (рис. 3). Внешняя поверхность неровная, обжиг плохой. На внутренней поверхности имеется след ногтевой пластины пальца руки в виде вдавленности дугообразной формы глубиной до 1,2 мм. Размеры отпечатка: длина (ширина ногтевой пластины) – 5 мм, толщина – 0,3–0,4 мм свидетельствуют о том, что след оставлен ногтем пальца руки ребенка возрастом около 6 лет. Изделие не использовалось.

Третий предмет – лепная тарелочка с бортиком, без орнамента, высотой 1 см, диаметром 4,9 см (рис. 4). Поверхность изделия неровная, на внешней стороне дна сохранились следы травы. По периметру доньшка на внутренней части изделия обнаружены следы изготовления в виде тонких дугообразных желобков, оставленных ногтями при лепке бортика. Кроме того, на внутренней поверхности дна явно видны три отпечатка ногтей шириной от 4 до 5,5 и толщиной 0,4 мм. Изделие не имеет следов использования.

В нижних слоях зольника поселения Стрелецкое-1, связанных, скорее всего, с алакульским культурным слоем, обнаружено изделие в виде миниатюрной баночки высотой чуть более 2 см с отверстиями для подвешивания под краем венчика (рис. 5). Изделие имеет неправильную форму, грубую лепку. На внутренней поверхности стенки изделия обнаружен дугообразный отпечаток ногтя ребенка шириной 6 мм. Изделие не имеет следов использования.

В тех же слоях зольника обнаружен фрагмент миниатюрного глиняного блюда диаметром около 5 см с нанесенным на внутренней стороне орнаментом. На краю венчика зафиксирован отпечаток ногтя ребенка шириной 5, толщиной 0,3 мм (рис. 6).

В погребении 49 (могильник Степное-7) обнаружено захоронение младенца на левом боку в скорченном положении с низками пастовых бус на поясе. В изголовье погребенного стояли два сосуда: один – классического алакульского облика, второй –

небольшой приземистый, неправильной формы и грубой лепки с небрежно нанесенным орнаментом (рис. 7). Узор на сосуде напоминает учебные эксперименты, поскольку даже классические элементы – треугольники, орнаментация дна, нанесены неумело и отличаются по виду от стандартного декора на керамике. По ребру сосуда идет узор из ряда вертикальных дугообразных ногтевых вдавлений, сделанных ребенком.

В погребении 64 того же могильника, относящемся к комплексу 5 (детское грунтовое кладбище), был захоронен ребенок возрастом 6–7 месяцев, на левом боку в скорченном положении с украшениями (браслеты, низки пастовых бус на шее, очковидная подвеска в районе виска). Возле головы погребенного стояли два керамических сосуда. Еще один – небольшой, неорнаментированный горшечно-баночной формы, стоял в углу ямы возле ног погребенного. На внешней поверхности горшка обнаружен отпечаток пальца подростка (?) (рис. 8).

В керамической коллекции поселения Каменный Амбар имеется несколько артефактов, возможно, также имевших отношение к детям. Миниатюрная баночка диаметром около 4 см с отпечатками ногтей взрослого человека была обнаружена в заполнении одного из колодцев постройки 1 [Епимохов и др., 2012. Цв. вклейка, № 7, 8]. Этот сосудик, судя по равномерной затертости венчика по всему периметру, многократно передвигали в перевернутом состоянии. В этой связи можно предположить, что он использовался в качестве атрибута игры («наперстки?»), а не в качестве емкости¹. Но использовался ли он для детских или взрослых игр – остается под вопросом.

С того же памятника происходят два похожих на наперстки изделия без следов использования. Их нельзя интерпретировать с полной уверенностью, но, возможно, это неудавшиеся наперстки, попытки детей внести свой вклад в керамическое производство [Там же. Цв. вклейка, № 2, 4]. Однако следов изготовления на них не сохранилось.

¹ В синташтинском слое той же постройки 1 (яма 1) обнаружено скопление из 7 железистых конкреций округлой формы (1–1,5 см диаметром), назначение которых неясно. Возможно, они могли служить атрибутами этой игры.

Рис. 5. Миниатюрный сосуд (поселение Стрелецкое-1)

Рис. 6. Миниатюрное блюдо (поселение Стрелецкое-1)

Рис. 7. Сосуд (погребение 49 могильника Степное-7)

Рис. 8. Сосуд с отпечатком пальца (погребение 64 могильника Степное-7)

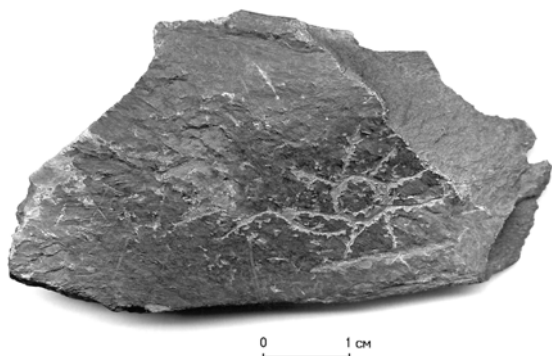

Рис. 9. Фрагмент кости животного с нанесенным рисунком (поселение Степное-8)

Некоторые артефакты могли быть сделаны взрослыми для детских забав, так как иное назначение трудно предположить. Примером может послужить очень аккуратно выполненное миниатюрное изделие с шишечками (поселение Каменный Амбар), без следов эксплуатации, орнаментированное наколами. Мастерство исполнения и качество обжига косвенно говорят «за» это предположение [Там же. Цв. вклейка, № 1].

В алакульских и петровских комплексах могильника Степное-7 можно выделить серию из девяти сосудов, обладающих следующим набором специфических черт: несоответствие классическим канонам форм петровской и алакульской керамики, грубая непрофессиональная лепка; несоответствие классическим канонам орнаментации петровской и алакульской керамики, небрежно

или неумело нанесенный орнамент с большим количеством сбоев.

По всем внешним характеристикам эта серия выбивается из большого количества (около 250) единообразных, профессионально изготовленных и классифицируемых на типы сосудов, соответствующих петровскому либо алакульскому стандартам. Можно с большой долей уверенности утверждать, что сосуды были вылеплены людьми, не вполне освоившими навыки гончарного мастерства, т. е. детьми. Присутствие на некоторых из них (как указано выше) отпечатков детских ногтей вполне подтверждает эту интерпретацию. Все выделенные в данную серию сосуды (кроме одного, найденного в крупном коллективном погребении) происходят из детских ям либо из верхних слоев насыпи, что предполагает существование неглубоких погребений, находившихся выше материкового слоя.

В алакульских погребениях могильника Степное-7 присутствует еще одна категория артефактов, связанная со специфической детской сферой – банки и небольшие неорнаментированные горшки. Часть из них также слеплена грубо и непропорционально, часть имеет довольно аккуратный облик, но все зафиксированные экземпляры (18 шт.), кроме одного, происходят из младенческих погребений. Более того, большинство сосудов занимало в погребении определенную позицию: в ногах погребенных, часто – в перевернутом виде, свидетельствуя тем самым, что их положение не случайность, а специфическая черта детского обряда.

В алакульском слое поселения Степное-8, перекрывающем слое могильника Степное-7, найден фрагмент обожженной трубчатой кости животного с нанесенным на нее рисунком – солнце, горизонтальная и волнистая линии (рис. 9). По характеру изображение очень напоминает современные детские рисунки. Хотя нельзя сказать наверняка, что рисунок сделан ребенком, его стиль и сам факт рисования на фрагменте кости заставляют предположить, что артефакт является результатом детского творчества.

Косвенным свидетельством участия детей в хозяйственной жизни древнего общества может быть найденный в алакульских слоях поселения Стрелецкое-1 фрагмент сосуда (придонная часть), на котором после его орнаментации и обжига и, скорее всего, после того, как сосуд сломался, было нане-

сено некое изображение (пиктограмма) (рис. 10). Характер и стиль изображения позволяют предполагать, что оно было сделано ребенком.

Изложенные выше факты позволяют нам предложить следующие варианты интерпретации. Для синташтинского периода из комплекса памятников Каменный Амбар мы располагаем керамической баночкой из детского погребения и тремя миниатюрными сосудами из поселенческой коллекции.

В погребении 10 кургана 2 сосуд был поставлен у головы умершего ребенка возрастом 7 ± 2 лет. Заметим, что возраст, определенный антропологом, совпал с возрастом, установленным предположительно по толщине ногтевой пластины (см. выше). Баночка могла быть вылеплена ребенком при жизни; возможность посмертного приношения от его сверстников также вполне вероятна. Для синташтинских и петровских древностей примеры сосудов, сделанных маленькими гончарами, происходящих из детских погребений, не являются единичными [Куприянова, 2008. Цв. вклейка, фото 22].

Два экземпляра из поселенческой коллекции (Каменный Амбар) с отпечатками детских ногтей фрагментированы и не имеют следов использования. Можно предположить, что они просто лопнули при обжиге или были сломаны немного позже, в процессе игры. Третий – тарелочка, дошла до нас целой, но она также не использовалась в качестве посуды. По мнению авторов раскопок, часть помещения, где были обнаружены эти артефакты, являлась жилой, а не производственной, и находки здесь детских вещей легко объяснимы.

Присутствие на зольнике поселения Стрелецкое-1 артефактов, сделанных детьми, также вполне понятно. Вместе с бытовыми отходами в материалах зольника содержалось большое количество орудий и отходов, связанных с различными видами производства – каменной индустрии (отщепы, заготовки, отбойники и пр.), гончарства (орнаменты, ложила), косторезного ремесла (заготовки изделий, расщепленные, обработанные кости). Естественно, что место обучения детей различным ремеслам находилось в непосредственной близости к самой мастерской и среди отходов производства должны в большом количестве содержаться артефакты, связанные

Рис. 10. Фрагмент сосуда с «пиктограммой» (поселение Стрелецкое-1)

с обучением детей. К сожалению, неоспоримые доказательства связи предметов с детьми на данный момент можно получить только от глиняных артефактов, несущих следы соприкосновения с руками мастеров.

В петровском и алакульском погребальном обряде количество погребенных младенцев возрастает на порядок по сравнению с некрополями синташтинской культуры и составляет до 80 % всех погребений; это видно, если сравнить материалы двух близко расположенных памятников – могильника Степное (синташтинская, петровская и алакульская культуры) и Степное-7 (петровская и алакульская культуры). Здесь же присутствуют артефакты, сделанные непосредственно детьми, и артефакты, соотносимые с детской формой обряда (банки, неорнаментированные сосуды), отсутствующие во взрослой и коллективной. В данном случае было бы абсурдным утверждать о связи конкретных погребенных с конкретными сосудами, поскольку речь идет в основном о младенческих захоронениях. Однако присутствие в детском погребальном обряде сосудов, сделанных детьми, подтверждается большим количеством фактов, отражает причастность детей к погребальной сфере. Можно предположить существование родовой связи – сосуды из младенческих погребений были сделаны детьми, являвшимися родственниками умерших. Поскольку критерий отбора сосудов для погребального обряда исследуемых культур в целом не ясен, существенные отличия поселенческой и погребальной керамики не запрещают предполагать, что керамика изготавливалась непосредственно для погребения.

бенного и, вполне вероятно, его родственниками.

Наша работа демонстрирует, как нам кажется, что непосредственные следы деятельности детей принципиально можно найти в археологическом источнике, и даже, возможно, с большей вероятностью на поселениях, нежели в могильниках. Из всего сказанного мы можем заключить, что дети приобщались к керамическому производству с самого раннего возраста. Согласно этнографическим данным, их начинают постепенно вовлекать в изготовление керамики с 4–6-летнего возраста, и к 9–11 годам они могут самостоятельно изготавливать и декорировать не слишком крупные и сложные формы [Bagwell, 2002. P. 92–93]². Показательно, что буквально во всех работах, посвященных палеодерматоглифам, отмечается наличие детских отпечатков на древней керамике [Kamp et al., 1999. P. 314; Сыроватко, Елистратов, 2002; Kralik et al., 2008. P. 8–9; Куприянова, 2008. С. 66; Бобринский, 2008]. Раннее вовлечение детей в производство керамики было, безусловно, кросс-культурным явлением для традиционных обществ.

Полученные нами данные позволяют предположить достаточно раннее включение детей не только в хозяйственную деятельность, но и в важнейшие ритуалы, такие, как погребальные. Судя по количеству детских захоронений в эпоху бронзы в Южном Зауралье, детская смерть и похороны были обыденным явлением: их погребали гораздо чаще, чем взрослых. Посуда из детских и младенческих захоронений, изготовленная детскими руками, может свидетельствовать об участии детей в отправлении погребальных культов.

Определенные выводы относительно положения детей в обществах бронзового века Зауралья можно сделать и при итоговом

сравнении материалов синташтинских, петровских и алакульских могильников. Так, в синташтинских курганах могильника Степное при относительно небольшом количестве младенческих погребений отсутствуют сосуды, которые можно связать с детской субкультурой. Все сосуды соответствуют классическим формам керамики и изготовлены достаточно профессионально. В петровских и алакульских погребениях могильников Степное и Степное-7 количество артефактов, связанных с детьми, как и количество детских погребений, значительно больше. Сравнив количество артефактов, произведенных детьми и связанных с детской сферой в погребальном обряде синташтинской, петровской и алакульской культур, можно предположить значительные различия в отношении к детям в данных социумах, в их вовлеченности в систему общественных отношений и причастности к коллективным обрядам. В данном случае уместно было бы предположить, что в синташтинском обществе преобладали отношения вертикальной иерархии, отводящие гендерные различия на второй план. В петровском и алакульском социумах можно предполагать более сильные родовые связи, придающие большее значение гендерно-возрастной и горизонтальной социальным позициям детей, что выражено в ярких материальных свидетельствах детской субкультуры. На основании сказанного выше, мы можем уверенно предположить, что вклад детей в повседневную и ритуальную жизнь обществ бронзового века Южного Зауралья был достаточно внушителен и археологии не следует его недооценивать.

Список литературы

Берсенева Н. А. Социализация детей как одно из направлений социокультурной адаптации в древних обществах // Уральский исторический вестник. 2010. № 2 (27). С. 38–54.

Бобринский А. А. Установление пола индивидов по ногтевым отпечаткам на керамике // Проблемы современной археологии. Сборник памяти В. А. Башилова. М.: Изд-во ИА РАН, 2008. С. 316–345.

Гей И. А. Отпечатки кончиков пальцев на изделиях из глины (изучение, проблемы, перспективы) // Древнее гончарство: итоги и

² Можно привести результаты деятельности школы экспериментальной археологии при археологической экспедиции ЧелГУ. Проведенные эксперименты наглядно показывают, что дети 10–14 лет, имеющие опыт изготовления керамики, могут производить изделия, по качеству несколько не уступающие профессиональным, тогда как взрослые, первый раз принимающие участие в изготовлении сосудов, выдают гораздо более некачественную продукцию. Материалы изученных памятников не противоречат этим данным.

перспективы изучения. М.: Изд-во ИА РАН, 2010. С. 200–213.

Епимахов А. В. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Челябинск: ОАО Челябинский дом печати, 2005. Кн. 1. 192 с.

Епимахов А. В., Берсенева Н. А., Пантелеева С. Е. Миниатюрные сосуды укрепленного поселения Каменный Амбар // Уральский исторический вестник. 2012. № 4. С. 70–77.

Ивашков В. А. Работа со следами рук на месте происшествия. М.: ЭКЦ МВД России, 1992. 78 с.

Корякова Л. Н., Краузе Р., Епимахов А. В., Шарапова С. В., Пантелеева С. Е., Берсенева Н. А., Форнасье Й., Кайзер Э., Молчанов И. В., Чечушков И. В. Археологическое исследование укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) // Археология, антропология и этнография Евразии. 2011. № 4. С. 61–74.

Куприянова Е. В. Отпечатки ногтей на древней керамике как исторический источник // Древняя керамика: проблемы и перспективы комплексного подхода. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2003. С. 62–70.

Куприянова Е. В. Тень женщины: женский костюм бронзового века как «текст» (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск: Авто Граф, 2008. 244 с.

Папиллярные узоры: идентификация и определение характеристик личности (дактилоскопия и дерматоглифика) / Под ред. Л. Г. Эджунова, Н. Н. Богданова. М.: Наука, 2002. 205 с.

Сыроватко А. С., Елистратов А. Я. Об опыте определения отпечатков пальцев на дьяковской керамике и мелкой глиняной пластике // Тверской археологический сборник. 2002. Вып. 5. С. 503–507.

Astrom P. The Study of Ancient Fingerprints // Journal of Ancient Fingerprints. 2007. Vol. 1. P. 2–3.

Bagwell E. Ceramic form and Skill. Attempting to Identify Child Producers at Pecos Pueblo, New Mexico // Children in the Prehistoric Puebloan Southwest. Salt Lake City: Univ. of Utah Press, 2002. P. 90–107.

Baxter J. E. The Archaeology of Childhood: Children, Gender, and Material Culture. Walnut Creek: Altamira-Press, 2005. 139 p.

Chamberlain A. T. Commentary: Missing Stages of Life – towards the Perception of Children in Archaeology // Invisible People and Processes: Writing Gender and Childhood into European Archaeology / Eds. J. Moore, E. Scott. Leicester: Leicester Univ. Press, 1997. P. 248–250.

Kamp K. A. Were Have All the Children Gone? The Archaeology of Childhood // Journal of Archaeological Method and Theory. 2001. Vol. 8. No. 1. P. 1–33.

Kamp K. A., Timmerman N., Lind G., Graybill J., Natowsky J. Discovering Childhood: Using Fingerprints to Find Children in the Archaeological Record // American Antiquity. 1999. No. 64. P. 309–315.

Kralik M., Novotny V. Epidermal Ridge Breadth: an Indicator of Age and Sex in Paleodermatoglyphics // Variability and Evolution. 2003. Vol. 11. P. 5–30.

Kralik M., Urbanova P., Hlozek M. Finger, Hand and Foot Imprints: The Evidence of Children on Archaeological Artifacts // Children, Identity and the Past / Eds. L. H. Dommasnes, M. Wrigglesworth. Cambridge: Cambridge Scholars Publ. 2008. P. 1–15.

Lindstrom R. W. Anthropological Characteristics of the Population of the Bolshekaragansky Cemetery, Kurgan 25 // Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника / Под ред. Д. Г. Здановича. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2002. P. 159–164.

Moran K. S. Unintentional Artifacts: Fingerprinting Material Culture // Journal of Ancient Fingerprints. 2007. Vol. 1. P. 16–18.

Roder B. Archaeological Childhood Research as Interdisciplinary Analysis // Children, Identity and the Past / Eds. L. H. Dommasnes, M. Wrigglesworth. Cambridge: Cambridge Scholars Publ. 2008. P. 68–82.

N. A. Berseneva¹, E. V. Kupriyanova², A. G. Bersenev³

¹ *Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the RAS
16 S. Kovalevskaya Str., Ekaterinburg, 620990, Russian Federation*

² *Chelyabinsk State University
129 Br. Kashrinykh Str., Chelyabinsk, 454000, Russian Federation*

³ *Criminalistic Centre of the Central administrative board of
the Ministry of Internal Affairs in Chelyabinsk region
34 El'kina Str., Chelyabinsk, 454091, Russian Federation*

bersnatasha@mail.ru

TRACES OF CHILDHOOD. SEARCH FOR CHILDREN IN THE ARCHAEOLOGICAL RECORD AND STUDY OF CERAMIC ARTEFACTS (BRONZE AGE OF THE SOUTH TRANS-URALS)

Purpose: This work concerns identification and interpretation of children's imprints of fingernails on the ceramic artifacts. Archaeologically, we can see two basic groups of artifacts directly related to children: items made by children themselves during their training or playing and items made by adults for their children: toys, clothes details, ornaments, amulets and pottery. But it seems quite difficult to find «childe-made» categories of artifacts. In our opinion, traceological way of investigation will be useful for this search and do our interpretations more successful. Children's finger and nail prints on the ancient ceramics is evidence of child contact to material, in other words, evidence of his/her direct participation in the process of creation.

Results: To find children's imprints of fingernails, we processed ceramic collections of the following Bronze Age archaeological sites: Kamennyi Ambar and Streletskoe 1 settlements, Kamennyi Ambar 5 and Stepnoe 7 cemeteries. We could identify the only vessel with child nail prints from children's tomb in the Kamennyi Ambar burial ground. But at the settlement three ceramic artifacts with nail prints were discovered: a half of the small pot, a little jar and a miniature plate. All of them were dug in the fill of the Sintashta dwelling 5. At the Streletskoe 1 settlement a small jar and a little decorated plate with children's nail prints were found. Also we could identify the only vessel with child's nail prints in the Stepnoe 7 cemetery (in the child grave). According to width and thickness of the nail print, all nail prints could belong to children 6–8 years old or a little older. All items were not in use as pottery. Besides this, we could identify some items which possibly were made by adults for their children. There are a small jar and balls for playing, the miniature artifact with knobs and pinpoints and so one.

Conclusion: Our work demonstrates that direct traces of children's activity can be found in the archaeological record and rather at the settlements than in the cemeteries. As a result, we can conclude that children were involved in the ceramic production since early age as well as in the ritual activity of the society, including mortuary rites. As regards the position of children in the Sintashta, Petrovka and Alakul' societies, we can suppose that there were differences related to attention to children. It may be quite possible that in the Sintashta society the vertical hierarchy relations dominated and that's why children's burials were relatively rich in terms of grave goods. Petrovka and Alakul' children's burials were more numerous but rather modest. They rather reflected gender/age and horizontal social positions of children. In general, we can conclude that children's activity played a great part in the everyday life of the Bronze Age societies of the South Trans-Urals.

Keywords: South Trans-Urals, Bronze Age, archaeology of childhood, ceramic artifacts, fingernail imprints.

References

Berseneva N. A. Sotsializatsiya detei kak odno iz napravlenii sotsiokul'turnoi adaptatsii v drevnikh obshestvakh [Socialization of Children as a Part of the Social and Cultural Adaptation in the Ancient Societies (Sintashta Culture)]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2010, no. 2 (27). p. 38–54. (In Russ.).

Bobrinsky A. A. Ustanovlenie pola individov po nogtevyim otpechatkam na keramike [Identification of the Individual's Sex Through Nail Prints on the Ceramic]. *Problemy sovremennoi arkheologii. Sbornik pamyati V. A. Bashilova*, Moscow, IA RAN Publ., 2008, p. 316–345.

(In Russ.)

Gey I. A. Otpechatki konchikov pal'tsev na izdeliyakh iz gliny (izuchenie, problemy, perspektivy) [Prints of the Finger Tips on the Clay Artifacts (Research, Problems, Perspective)]. *Drevnee goncharstvo: itogi i perspektivy izucheniya*, Moscow, IA RAN Publ., 2010, p. 200–213. (In Russ.)

Epimakhov A. V. *Ranniye kompleksnye obshestva severa Tsentral'noi Evrazii (po materialam mogil'nika Kamenny Ambar-5)* [Early Complex Societies of the Northern part of the Central Eurasia (On the Materials of the Kamenny Ambar-5 Necropolis)]. Chelyabinsk: OAO Chelyabinsky dom pechati, 2005. Kn. 1, 192 p. (In Russ.)

Epimakhov A. V., Berseneva N. A., Panteleeva S. E. Miniaturnye sosudy ukreplennogo poseleniya Kamenny Ambar [Miniature Vessels from the Fortified Settlement Kamenny Ambar]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*. 2012. no. 4. p. 70–77. (In Russ.)

Ivashkov V. A. *Rabota so sledami ruk na meste proishestviya* [Work with Traces of Hands on the Site of Accident]. Moscow, EKTs MVD Rossii Publ., 1992. 78 p. (In Russ.)

Koryakova L. N., Krauze R., Epimakhov A. V., Sharapova C. V., Panteleeva S. E., Berseneva N. A., Fornasye J., Kaizer E., Moltchanov I. V., Chechushkov I. V. Arkheologicheskoye issledovanie ukreplennogo poseleniya Kamenny Ambar (Ol'gino) [Archaeological Research of the Kamenny Ambar Fortified Settlement (Ol'gino)]. *Arkheologiya, antropologiya i etnografiya Evrazii*. 2011. no. 4. p. 61–74. (In Russ.)

Kupriyanova E. V. Otpechatki nogtei na drevney keramike kak istoricheskiy istochnik [Nail Prints as a Historical Source]. *Drevnyaya keramika: problemy i perspektivy kompleksnogo podkhoda*. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skoye knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2003, p. 62–70. (In Russ.)

Kupriyanova E. V. *Ten' zhenshiny: zhenskiy kostyum bronzovogo veka kak «tekst» (po materialam nekropoley Yuzhnogo Zaural'ya i Kazakhstana)* [Shadow of a Woman: Female Bronze Age Costume as «a Text» (After Materials of Necropolis of South Ural and Kazakhstan)]. Chelyabinsk: AvtoGraf Publ., 2008, 244 p. (In Russ.)

Papillyarnye uzory: identifikatsiya i opredelenie kharakteristik lichnosti (daktiloskopiya i dermatoglifika) [The Papillary Pattern: Identification and Definition of Characteristic of the Individual (Dactyloscopy and Dermatoglyphics)]. L. G. Edzhubov, N. N. Bogdanov (eds.). Moscow, Nauka, 2002, 205 p. (In Russ.)

Syrovatko A. C., Elistratov A. Y. Ob opyte opredeleniya otpechatkov pal'tsev na d'yakonovskoi keramike i melkoi glinyanoi plastike [About an Experience of the Definition of Finger Prints on the Dyakovo Ceramics and Small Clay Plastics]. *Tverskoi arkheologicheskii sbornik*, vyp. 5. Tver', 2002, p. 503–507. (In Russ.)

Astrom P. The Study of Ancient Fingerprints. *Journal of Ancient Fingerprints*, vol. 1, 2007, p. 2–3.

Bagwell E. Ceramic Form and Skill. Attempting to Identify Child Producers at Pecos Pueblo, New Mexico. *Children in the Prehistoric Puebloan Southwest*. Salt Lake City: University of Utah Press, 2002, p. 90–107.

Baxter J. E. *The Archaeology of Childhood: Children, Gender, and Material Culture*. Walnut Creek, Altamira-Press, 2005, 139 p.

Chamberlain A. T. Commentary: Missing Stages of Life – Towards the Perception of Children in Archaeology. *Invisible People and Processes: Writing Gender and Childhood into European Archaeology*, J. Moore and E. Scott (eds.). Leicester, Leicester Univ. Press, 1997, p. 248–250.

Kamp K. A. Were Have All the Children Gone? The Archaeology of Childhood. *Journal of Archaeological Method and Theory*, 2001, vol. 8. no. 1, p. 1–33.

Kamp K. A., Timmerman N., Lind G., Graybill J., Natowsky J. Discovering Childhood: Using Fingerprints to Find Children in the Archaeological Record. *American Antiquity*. 1999, no. 64, p. 309–315.

Kralik M., Novotny V. Epidermal Ridge Breadth: an Indicator of Age and Sex in Paleodermatoglyphics. *Variability and Evolution*, 2003, vol. 11, p. 5–30.

Kralik M., Urbanova P., Hlozek M. Finger, Hand and Foot Imprints: The Evidence of Children on Archaeological Artifacts. *Children, Identity and the Past*. L. H. Dommasnes, M. Wrigglesworth (eds.). Cambridge: Cambridge Scholars Publ., 2008, p. 1–15.

Lindstrom R. W. Anthropological Characteristics of the Population of the Bolshekaragansky Cemetery, Kurgan 25. *Arkaim – nekropol (the Barrow 25 in the Bolshekaragansky Cemetery)*. D. G. Zdanovich (red). Chelyabinsk: Yuzhno-Uralskoye knizhnoe izdatelstvo Publ., 2002, p. 159–164.

Moran K. S. Unintentional Artifacts: Fingerprinting Material Culture. *Journal of Ancient Fingerprints*, vol. 1, 2007, p. 16–18.

Roder B. Archaeological Childhood Research as Interdisciplinary Analysis. *Children, Identity and the Past*. L. H. Dommasnes, M. Wrigglesworth (eds.). Cambridge: Cambridge Scholars Publ., 2008, p. 68–82.